

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.10>

Нестерова Оксана Юрьевна

Философские проблемы интерпретации истины

Цель исследования - выявить специфику интерпретации категории "истина" в философии. В статье анализируется значение данной категории для понимания специфики как самого процесса познания, так и для самопознания и самоопределения сущности человека. Рассматриваются особенности и недостатки уже известных концепций истины и невозможность ограничения данной категории лишь формально-логическими требованиями. Научная новизна заключается в комплексном анализе проблемы истины как отражения специфики отношения человека к действительности и необходимого условия решения проблем современного познавательного процесса. В результате обосновано, что без системного понимания истины определение сущности человека, природы разума и интеллекта невозможно.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 55-59. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Армстронг К. Краткая история мифа. М.: Открытый мир, 2005. 160 с.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2014. 352 с.
3. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1987. 128 с.
4. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 111-336.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
7. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
8. Хьюбнер К. Критика научного разума. М. – Бонн: ИФРАН; Интер Национес, 1994. 326 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.
10. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

Mythemes as Transcendental Laws of Realities

Baikov Aleksandr Alekseevich, PhD

*Istra Professional College – Branch of the State University of Humanities and Technology
gajasura@yandex.ru*

The paper justifies the thesis that mythemes are transcendental laws of social and natural reality. The author substantiates the provision that mythemes should be looked upon through the prism of social and natural reality and tries to identify possible causes of uneven manifestation of mythological laws in different types of realities. Scientific originality of the study lies in the fact that mythemes are endowed with features of scientific laws and are considered to possess equal ontological status in actual and alleged realities. The research findings are as follows: the author proves that mythemes often come out as universal laws that function regardless of reality attitude to material or ideal substance.

Key words and phrases: myth; mytheme; laws of reality; transcendental laws.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.10>

Дата поступления рукописи: 28.07.2020

Цель исследования – выявить специфику интерпретации категории «истина» в философии. В статье анализируется значение данной категории для понимания специфики как самого процесса познания, так и для самопознания и самоопределения сущности человека. Рассматриваются особенности и недостатки уже известных концепций истины и невозможность ограничения данной категории лишь формально-логическими требованиями. **Научная новизна** заключается в комплексном анализе проблемы истины как отражения специфики отношения человека к действительности и необходимого условия решения проблем современного познавательного процесса. **В результате** обосновано, что без системного понимания истины определение сущности человека, природы разума и интеллекта невозможно.

Ключевые слова и фразы: истина; онтологическая истинность; гносеологическая истинность; аксиологическая истинность.

Нестерова Оксана Юрьевна, к. филос. н., доц.

*Сургутский государственный университет
nesterova12@yandex.ru*

Философские проблемы интерпретации истины

Актуальность темы, несмотря на то, что она не является новой для философии и входит в круг ее классических проблем, определяется ее значимостью для решения как собственно философских, так и естественно-научных задач. Более того, в условиях тех преобразований, которые сегодня происходят как в отдельных областях социальной жизни, так и в глобальных, затрагивающих все человечество, стремление определить сущность истины, возможность использования этой категории и определение ее критериев стали как никогда востребованными и необходимыми.

Достижения современной науки, переориентация на развитие медико-биологических направлений в познании, мощное внедрение цифровых технологий, разработки в области искусственного интеллекта и на этом фоне процессы, происходящие в мировой политике, явно нарушают и без того нестабильное равновесие предшествующих десятилетий. Все перечисленное требует очередного переосмысления важнейших философских категорий, в том числе и категории истины. Именно данная категория, на наш взгляд, является одним из важнейших средств самоидентификации человека, определяя его статус в окружающей действительности, его возможности по взаимодействию с этой действительностью, а значит, смыслы и цели существования человека в целом.

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд *задач*: во-первых, определить сущность основных подходов понимания истины; во-вторых, дать характеристику основным концепциям истины, сложившимся в истории философии; в-третьих, сопоставить концепции истины с типами рациональности; и наконец, определить специфику проблемы интерпретации истины на современном этапе развития человечества.

Вследствие того, что проблема истины оформляется уже в античную эпоху, *теоретической базой* исследования выступили философские трактаты, начиная от «Органона» Аристотеля, «Критики практического разума» И. Канта [4] до работ представителей экзистенциальной феноменологии [5; 8] и философии науки [6].

В ходе работы для решения заявленных задач использовались следующие *методы исследования*: метод историко-философского анализа для понимания интерпретации истины различными философскими школами и направлениями; метод типологизации как способ упорядочивания множественных подходов к проблеме истины, а также системный подход как возможность сформировать целостное представление истины.

Практическая значимость исследования состоит в выявлении необходимости системного и целостного понимания истины, которое должно стать основой для практики современного познавательного процесса, определения его направлений и перспектив.

Целостное понимание истины позволяет выйти за границы ее только лишь гносеологического толкования и рассматривать сущность и значение данной категории на всех уровнях философского знания: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. Таким образом, именно через понимание истины мы получаем возможность определить специфику бытия человека по отношению и в сравнении с миром в целом.

Представляется понятным стремление исследовать именно гносеологические аспекты истины, что определяется местом и значением науки для развития человечества. Именно наука как высшая форма рационального знания видит своей основной целью формирование логически обусловленной системы информации об окружающей действительности. При этом следует отметить, что в классической западной философии истина рассматривается как вполне самостоятельная категория, сопоставляемая с категориями «бытие», «сущность» и др. Уже Аристотель, будучи основателем классической логики, для которой истина – это не только средство оценки наших знаний, но и цель самого познания, рассматривал истину через единство ее онтологического и гносеологического смыслов [1]. Акцентирование гносеологического подхода к пониманию истины стало следствием критики со стороны представителей механистического материализма средневековой идеалистической философии. Данный критицизм определил негативную оценку аристотелевской логики мыслителями Нового времени и признание ее полностью исчерпанной, не отвечающей требованиям этой эпохи.

Следует понимать, что узко гносеологический подход к пониманию природы истины ограничивает ее содержание, ставит под сомнение возможность существования истины в принципе. Признавая истину лишь средством оценки знаний человека, а критерии этой оценки выдвинуты нами самими, мы подвергаем сомнению саму возможность получения объективного знания. Онтологическая истинность является результатом установления соответствия между сущностью и существованием, где сущность понимается как законы, определяющие формы и границы существования вещей, выход за которые приводит к их преобразованию во что-то другое, новое. Оценка «истинный» должна использоваться не только по отношению к знаниям человека о мире, но и по отношению к самому миру, к многообразию составляющих его вещей и их форм. Мир существует вне человека и независимо от человека. И в своем существовании он уже истинен. Подобный подход мы обнаруживаем в феноменологии Э. Гуссерля и учении о бытии М. Хайдеггера. В данном случае истина понимается как «истинное бытие» или «бытие в истине» [9].

Представляется очевидным, что онтологический подход к интерпретации истины непосредственно связан с решением проблемы бытия в рамках конкретной философской школы или историческим периодом развития философии. С одной стороны, это предопределяет множественность подходов к решению проблемы истины, но с другой – позволяет увидеть историко-философский процесс становления и развития истины в его многообразии и полноте, целью которого является формирование единого и целостного представления об истине.

Таким образом, анализируя опыт истории философии, мы можем определить три основных подхода к пониманию сущности категории истины: онтологический, в рамках которого истина рассматривается как бытие истинное в своем собственном существовании; гносеологический, где истина понимается как оценка знаний человека о мире; аксиологический, где истина выступает характеристикой взаимоотношений между человеком и окружающей действительностью, отражает его ценностные переживания и определяет содержание и направления творческой деятельности человека.

Как было сказано выше, особый интерес к пониманию сущности истины проявляется в границах гносеологического подхода, что представляется вполне понятным и определяется необходимостью содержательно оценивать получаемые человеком знания, цель которых в конечном счете – адаптация и выживание. Специфика и проблемы данного подхода широко описаны в литературе, но коротко рассмотрим основные концепции.

Наиболее востребованной со времени ее появления и до сих пор остается классическая концепция, понимающая истину как соответствие человеческих знаний объективной действительности. Авторами данной концепции можно считать уже Платона и в особенности Аристотеля как основателя науки об основных формах и законах человеческого мышления. При этом мы видим, что природа объективной действительности может пониматься либо как объективно существующий физический мир у Аристотеля, либо как идеальный мир идей у Платона. Следовательно, содержание знания будет определяться сущностью самой действительности, что вполне закономерно. Но требование соответствия знания действительности, какой бы она ни представлялась, является в обоих подходах обязательным. Принципы классической концепции истины принимаются не только

многими философами, но и большинством представителей точных наук, для которых цель познания заключается в стремлении описать объективно действующие законы природы, а не в «придумывании собственных миров».

Но анализируя механизмы нашего познания, мы отчетливо понимаем, что взаимодействовать с миром непосредственно мы не можем. Между человеком и окружающим его миром, частью которого он сам является, всегда есть посредник – наш мозг. Именно мозг формирует для нас либо чувственную картину действительности, либо ее рационально структурированный образ. Следовательно, мы изначально получаем не объективную информацию о мире, которую в дальнейшем будем исследовать, а лишь ее субъективированное отражение. Эта субъективность определена возможностями нашего мозга упорядочивать получаемую извне информацию соответствующим образом. Мы отражаем мир так, как его может отразить только человек и никто другой. В этом случае объективность нашего знания представляется сомнительной. Особенно актуальным данный вопрос является для логики и математики, которые вообще не имеют дела с чувственно доступными объектами. Это касается и современной фундаментальной науки, использующей идеальные модели, в том числе и созданные ЭВМ. Что касается классической логики, то в данном случае существенной проблемой становится сопоставление фактической и формальной истинности, а также ее двухзначный характер. Определив формы и способы нашей рациональности, возможности использования уже имеющегося знания, эта логика тем не менее не может объяснить механизмы познания как способности получения нового знания, т.е. способности к творческой деятельности. К тому же в процессе мышления (познания) мы манипулируем общими понятиями, в то время как в действительности мы сталкиваемся с конкретными, единичными объектами, и их обобщенные «образы» на чувственном уровне нам недоступны. Более того, совершенно очевидно, что невозможно ограничить понятие разума спецификой его проявления лишь на уровне человека. Уже в начале XX века выдающийся русский логик Н. А. Васильев утверждал, что «мы можем мыслить другие миры, чем наш, в которых некоторые логические законы будут иными, чем в нашем мире... Воображаемая логика неаристотелева потому, что она имеет дело с другим логическим миром, с другими логическими операциями, чем те, с какими имела дело логика, впервые систематизированная Аристотелем» [2, с. 57]. Допуская возможность существования принципиально иных уровней организации мира и присущих им логик, мы сталкиваемся с проблемой их объективизации в границах человеческого познания.

Попытка дать ответы на эти вопросы была предпринята в априористской концепции истины. Данный подход предполагает возможность существования доопытного знания, которое присуще человеку от рождения, но которое реализуется лишь в процессе либо индивидуального, либо общечеловеческого стремления к познанию. Примерами данной концепции являются теория Платона о знании как результате припоминания бессмертной душой того, что она знала ранее, христианское учение о человеке, созданном по образу и подобию Бога, теория врожденных идей Р. Декарта и др. Особого внимания заслуживает теория априорного знания, принадлежащая И. Канту. Если в рамках классической теории истины субъект познания представляется достаточно пассивным, он, по сути, лишь зеркало, в котором отражается действительность, то в априористской теории важная роль отводится конструктивной активности человека как субъекта познания. Истинность знания, по мнению И. Канта, определяется не его соответствием действительности, как бы она ни интерпретировалась, а тем, насколько оно обладает всеобщим и необходимым характером. Истинными могут считаться априорные синтетические суждения, являющиеся результатом доопытного характера чувственного познания и рассудка. Они определены природой самого человека, а значит, универсальны для всех людей. Именно поэтому математические истины представляются И. Канту высшей формой знания, так как они являются прямым следствием врожденной способности человека к чувственному созерцанию пространства и времени. «Здесь ведь дело касается не познания свойств предметов, которые посредством чего-то и где-то могут быть даны разуму, а познания, поскольку оно может стать основанием самого существования предметов и поскольку разум через него имеет в разумном существе причинность» [4, с. 429]. Таким образом, человек познает не какую-то абстрактную действительность, а те образы действительности, которые он сам сконструировал. Но по мере развития науки стало очевидно, что фундаментальные постулаты о сущности действительности, которые И. Кант рассматривал как априорное знание, будут постоянно меняться и абсолютное знание, принимаемое как априорное, невозможно.

Стремление рассматривать истину в соответствии с требованиями логики определило суть когерентной концепции. В этом случае истинным считается знание, отвечающее требованиям логической непротиворечивости и упорядоченности. Но, как отмечалось выше, соответствие требованиям логики может гарантировать лишь формальную, но не фактическую истинность наших рассуждений. Признавая авторитет логики, мы понимаем, что ограничить мышление человека лишь ее правилами и законами не получается.

Научно-технический прогресс, возрастание его темпов, нашедшие отражение в экономической и политической сферах общества, стали причиной прагматического толкования истины. Человек по своей природе, действительно, весьма прагматичен, и его трудно в этом винить. Это в том числе и следствие осмысленности нашего существования. К тому же развитие знаний, и прежде всего научных, безусловно направлено в конечном счете на получение практического результата, хотя бы как возможности подтверждения теории на практике. Прагматическая концепция предлагает рассматривать в качестве критерия истинности именно способность знания быть практически полезным и приводить к желаемому результату. Но данный подход слишком узок и однозначен, он не отражает всей познавательной картины. История науки свидетельствует о том, что многие научные открытия опережали возможность их практического использования, что нисколько не уменьшает их значимости и истинности. К тому же если говорить собственно о философии, то ее практическая значимость, вернее ее отсутствие, неоднократно становилась поводом для критики и сомнений. Тем не менее

философия продолжает развиваться как системное, универсальное знание, определяющее или стремящееся определить горизонты и перспективы человечества.

Исследование языка как основного средства коммуникации в обществе и проблемы его многозначности стали основой для возникновения конвенциональной концепции истины. Еще Ф. Бэкон отмечал, что одной из причин заблуждений и недопонимания в процессе мышления являются языковые ошибки. Необходимость универсального языка науки, однозначная интерпретация научных положений и признание их в качестве истинных большинством научного сообщества – это главное требование данной концепции. Оно помогает прийти к пониманию между представителями различных научных школ, но рассматриваться в качестве основного критерия истинности вряд ли может, т.к. снимает основное требование к научному знанию – быть системным и доказательным.

Огромное влияние философии экзистенциализма на европейское мышление XX века определило соответствующий подход к пониманию истины. Знание рационально обоснованное и предлагаемое в качестве безусловного требования рассматривается как препятствие для самореализации личности. В этом случае его нельзя оценивать как истинное. В то же время объективно ложное знание, но являющееся результатом глубокого переживания и раскрывающее творческий потенциал личности, необходимо воспринимать как истинное. Подобный подход, безусловно, субъективен и лишен всякой универсальности. Но в то же время он направлен против догматизма и тоталитаризма, прежде всего, в сфере мышления. К тому же трудно не согласиться с М. Хайдеггером, утверждавшим, что человек техногенной цивилизации, цель существования которого сводится к удовлетворению, прежде всего, материальных потребностей, утратил понимание истинных смыслов своего бытия. Наука в этом случае выступает способом обезличивания человека, набором рациональных, абстрактных построений. Противоположность этой бездушной рациональности – творческое мышление, присущее поэтам и философам, направленное на познание истинной сути бытия [9]. Мы уже отмечали ранее, что стремление к истине является одним из выражений специфики человеческого бытия, и экзистенциальный подход в полной мере отражает эту специфику. Но история человечества – это в том числе и борьба за выживание, победить или хотя бы выстоять в которой невозможно, не опираясь на максимально объективные, истинные знания о мире.

Трудно не заметить, что концепции истины непосредственным образом связаны с историческими формами рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. Понимание природы самого процесса познания определяет и толкование истины. Так, в рамках классической рациональности истинность наших знаний подтверждается самим объектом познания, речь идет о соответствии действительности. С позиции неклассической рациональности истинность знания определяется выбором средств и способов познания, т.е. является следствием возможностей и специфики субъекта познания. Наконец, постнеклассическая рациональность кроме вышеназванных условий истинности требует соответствия гуманистическим ценностям в силу того, что человек в современных обстоятельствах должен рассматриваться не только как элемент окружающей действительности, но и как фактор, способный влиять на нее и преобразовывать [6]. Таким образом, определяется еще один критерий истинности – ее соответствие определенной социокультурной системе. Философские учения XX века, ставшие следствием этого исторического этапа, в большинстве своем сконцентрировались на проблеме индивидуального, личностного в человеке. В теории познания это приводит к тому, что требованию объективности человеческих знаний противопоставляются требования индивидуализации и субъективации. Развитие нетрадиционных логик, допускающих возможность принципиально иных вариантов рациональности, признание невозможности «втиснуть» процесс мышления только лишь в стандарты классической логики и необходимость понимать мышление как результат взаимодействия как минимум логики и интуиции привели к тому, что в качестве необходимых элементов познания стали рассматриваться воображение, вера, язык, историко-культурное окружение. Это определило приоритет релятивистского понимания истины. Особенно ярко это отражено в философии постмодернизма, представляющей мир лишь как результат личностной интерпретации и отрицающей возможность его единого понимания, универсальных законов и, как результат, единой истины. Данная ситуация поднимает еще одну проблему в понимании категории истины. Если наши знания о мире соотносятся с самим миром, то в случае использования суждений оценочного типа мы лишены такой возможности. Даже классическая логика, при ее категоричности, утверждает, что подобные суждения не могут определяться как истинные или ложные в силу отсутствия критериев их истинности. Нам не с чем сопоставить эти суждения в действительности. Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что в практике мышления существуют два типа высказываний о действительности: денотативные и прескриптивные, т.е. оценочные. Если первые оцениваются лишь по классическому критерию истинности, то вторые по критериям справедливости, красоты, гармонии языка и т.д. [5]. Последние критерии определяются социокультурной ситуацией и договоренностями внутри конкретного общества или социальной группы. Ю. Хабермас отмечает, что в подобных ситуациях понятие истинности заменяется понятием «эпистемологической очевидности» [8]. Именно позиции философских систем экзистенциализма и постмодернизма в полной мере раскрывают содержание аксиологического подхода к пониманию истины. Но даже в ситуации социокультурного знания мы испытываем потребность говорить о его истинности как результате теоретической реконструкции конкретного исторического жизненного мира [3, с. 366, 409].

Безусловно, эти критерии относительны в том смысле, что применимы здесь и сейчас. Но они становятся системой координат, на основе которой мы получаем возможность ориентироваться на своем отрезке социальной действительности. М. Мерло-Понти писал: «Истина – это другое название того, что выпадает в осадок, что само по себе есть присутствие в нашем присутствии. Это означает, что даже для философского субъекта, и особенно

для философского субъекта в высшем его понимании, не существует объективности, которая учитывала бы наше сверхобъективное отношение ко времени, нет света, кроме того, что светит нам сегодня» [10, р. 109].

Очевидно, что подобное многообразие подходов к толкованию истины не является случайным. Интерес к категории истины обусловлен ее значимостью для понимания сущности, механизмов и возможностей процесса познания. Каждый из описанных подходов исследует какую-либо составляющую истины, представляющуюся наиболее важной и значимой. Каждый подход имеет сильные и слабые стороны, но не означает ли их многообразие, что универсальное понимание истины недостижимо и, может, было бы рациональнее отказаться от данной категории вообще. Тем более что подобные попытки известны нам еще со времени античных софистов и скептиков. Уже в XX веке П. Фейерабенд в своей теории познания категорически протестует против стандартов, норм и правил в познании, а в понятии истины видит лишь препятствие и ограничение возможности познания. Цель ученого, по его мнению, не в следовании универсальным истинам, а в стремлении найти свое собственное объяснение действительности [7, с. 304, 471]. Но отрицание истины автоматически отрицает возможность доказательного знания и, как результат, возможность познания в принципе.

Понимание истины и стремление сформулировать ее универсальные критерии представляются нам особенно важными на современном этапе развития человечества. Все более ускоряющиеся темпы цифровизации социальной жизни, ее технологизация, разработки в области создания искусственного интеллекта на новом уровне заявляют проблему истины. Мы сталкиваемся с необходимостью определить характеристики искусственного интеллекта, стандарты и правила его функционирования. Мы должны ответить на вопрос, возможно ли считать интеллектуальной деятельность, в основе которой лишь следование формально-логическим требованиям и законам. Необходимо также понимать, являются ли интуиция, фантазия, способность к эмпатии необходимыми условиями познания и достижения истины или их роль вторична. Именно ответы на эти вопросы позволяют определить содержание понятия «искусственный интеллект» и правомерность его использования.

Следует обратить внимание и на тот факт, что сегодня понятие «знание» все чаще заменяется понятием информации. Истинность информации непосредственно определяется ее соответствием действительности и возможностью практического использования. Информация – это лишь конкретный, предметный вид знания. Понятия «знание» и «информация» далеко не тождественны. И критерии истинности информации недостаточны для оценки знания в целом. Но прагматизм современного человечества требует сиюминутных решений и ответов, что лишает нас возможности целостного понимания мира и способности, а может, и желания предвидеть последствия этих решений.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**: сложность интерпретации категории истины не должна останавливать нас в стремлении обрести ее пусть многосмысловое, но целостное, системное понимание. Именно посредством категории истины человек не только исследует окружающий мир и встраивается в него, но и получает возможность самоопределения, понимания самого себя, осознания как границ своего существования, так и перспектив будущего.

Список источников

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
2. **Васильев Н. А.** Логика и металогика. М.: Логос, 1912-1913. 162 с.
3. **Гадамер Х.-Г.** Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. **Кант И.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
5. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
6. **Степин В. С.** Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Мн.: БГУ, 2012. 416 с.
7. **Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
8. **Хабермас Ю.** Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40-52.
9. **Хайдеггер М.** Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. **Merleau-Ponty M.** Signes. P.: Gallimard, 1960. 428 p.

Philosophical Interpretation of “Truth” Category

Nesterova Oksana Yurievna, PhD

Surgut State University

nesterova12@yandex.ru

The paper aims to discover specificity of the “truth” category philosophical interpretation. The article shows importance of this category for understanding the cognition process and reveals its key role in self-actualization and self-identification. The author examines advantages and shortcomings of the existing conceptions of truth and argues that this category should be considered beyond the framework of formal logic. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of the truth problem that represents specificity of human attitude to reality and constitutes essence of the modern cognitive process. The following conclusions are justified: systemic understanding of truth is required to reveal human essence, nature of mind and intelligence.

Key words and phrases: truth; ontological truth; gnoseological truth; axiological truth.